

Ягодзинский С.Н.

СЕТЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Сеть, как способ взаимодействия и коммуникации, метод интеграции общества и источник конфликтов интересов, существовала всегда. Торговые пути, морские маршруты, системы оповещения и символы, экономическое, политическое и религиозное взаимовлияние издревле известны как неотъемлемые составляющие развития человечества. С теории и практики саботажа известно, что наиболее успешная диверсия та, которая деструктивно влияет на механизмы обеспечения сетевой взаимосвязи – дороги, мосты, железнодорожные узлы, почтамты и др. Таким образом, в различных своих проявлениях сеть была интегрирована в общественное пространство и время, определяла их метрику, распределяла континуальные и дискретные состояния. Быть вне сети означало находиться вне общественного бытия, вне цивилизационного прогресса, вне столбовых дорог культуры, в области хаоса и будущей неопределенности. Не зря путь большинства народов, наций, государств шел от мелких, разрозненных общностей до некой целостности в более сложной социальной структуре.

Вместе с тем изоморфно и гомогенно различные этно-политические, социо-экономические реалии регионов мира поддерживали идею неоднородности социального пространства. Социокультурная составляющая сетевой общественной архитектуры практически не рассматривалась. Лишь в политэкономических работах Дж. Локка и А. Смита впервые очерчиваются перспективы построения более гибкой модели социального пространства на основе интеграции сетей различной ориентации – от производственных до политических. Сеть стала одним из наиболее удобных методов удовлетворения материальных и коммуникативных потребностей, вследствие чего ее нередко интерпретируют как «кровеносный» сосуд общественных процессов.

С конца XVIII века сеть стала самостоятельным объектом отдельных исследований. Философские и научные работы Г. Лейбница, А. Сен-Симона, Ч. Дарвина, К. Маркса, В. Вернадского и других вскрыли в живых и социальных организмах наличие общих, всеобъемлющих закономерностей, подчиняющихся единому теоретическому обоснованию и объяснению. В научный обиход эта идея вошла под названием теория систем. Со времен Г. Гегеля любое социокультурное, экономическое, политическое, научное действие и событие принято трактовать исходя с их связи с другими элементами соответствующего феномена культуры. В наиболее рафинированном виде методологическое обоснование систем и сетей нашло отражение в концепции тектологии О.О. Богданова, основные идеи которой были заимствованы Н. Винером, У. Эшби, Л. Берталанфи. С тех пор сеть стала всеобщей парадигмой как научного, так и социального анализа.

В наши дни сеть как объект философско-методологического анализа не рассматривается исключительно с позиций ее практического использования. Большинство известных эпохе модерна сетей трансформировали форму своего существования, получив статус информационных. В таком виде они обрели целый комплекс свойств, связанных с вневременным и непространственным характером. Со второй половины XX века значительная часть философов и ученых поддерживают идею информационного общества, которое многие называют сетевым. Но можно ли сегодня утверждать, что сеть стала достаточным условием, надежным средством преобразования социального пространства? Создают ли сегодня сети (коммуникационные, политические, экономические, культурные и др.) условие для нового измерения пространства жизнедеятельности общества?

На наш взгляд, большинство этих теорий несостоятельны ввиду отсутствия анализа экономического основания будущего социального порядка. Нынешняя экономика, как и 100 лет назад, базируется на углеводородной составляющей. Нефть, газ, мазут, дизтопливо – все это природные невозобновимые ресурсы, использование которых создало тот мир богатства, который окружает современного человека. С их исчезновением человечество ожидает трудные времена, связанные с голодом, войнами, борьбой за питьевую воду, тепло и прочее. Углеводороды, как фундамент нашей эры, создали не только условия экономического развития и содействовали росту населения Земли. Они также причастны и к политическим процессам. Например, страны с недостаточными запасами энергоресурсов или с чрезмерным объемом их потребления (Европа, США) «навязывают» другим странам (Иран, Ирак, Саудовская Аравия, Кувейт) культурные клише Запада. Таким образом, они пытаются установить общие (сетевые) принципы взаимодействия. Но проблема заключается в том, что, имея в достаточном количестве природные запасы, та или иная общность или государство могут функционировать автономно. Никаких причин глобализации мира, в том виде, в котором она наличествует сегодня, не существует. Очевидно, что такая форма глобализации, сущность которой кроется в желании одних жить хорошо за счет других, не соответствует представлениям об информационном обществе, ценностью которого считается знание (в первую очередь теоретическое). Поэтому любые заявления о приходе информационного общества следует считать не более чем PR-ходом, цель которого создать псевдо-единое социальное пространство.

В то же время последние события в мире (Египет, WikiLeaks) продемонстрировали влияние социокультурной составляющей сетевой организации современного общества. Власти государств уже не способны концентрировать в своих руках все рычаги управления и влияния на массовое сознание. Существующие информационные сети указывают на путь построения информационного общества. Мы считаем, что оно будет лишено демократических, тоталитарных, авторитарных и любых других известных форм правления, основываясь на принципиально иной модели экономики. Сеть будет содействовать становлению информационного общества через подчинение экономики и политики научно-техническому и технологическому прогрессу. И первым шагом к этому есть осознание сетевого характера социального пространства.